

среди этой тьмы блистает ослѣпительный свѣтъ. „Батюшка! Ты здѣсь? Гляди на меня! Міръ православный, вы все здѣсь! И я здѣсь. Вот онъ я! (*Падаетъ на колѣни*)“ . И захватывающую духовную красоту и натуралистическую правду потрясающей сцены покаянія Никиты передъ православнымъ міромъ нужно отнести къ лучшимъ страницамъ изъ всего написаннаго Толстымъ. Урядникъ кричитъ: „Вяжите его! Актъ!“ А отецъ Никиты говоритъ: „Экій ты, тая. погоди, говорю. А объ ахтѣ, тая, не толкуй, значить. Тутъ, тая, Божье дѣло идетъ... кается человекъ, значить, а ты, тая, ахту“... Урядникъ еще разъ: старосту! Но Акимъ: „Дай Божье дѣло отойдетъ, значить, тогда, значить, ты и, тая, справляй, значить“... И *въ восторгъ* говоритъ сыну: „Говори, дитятко, все говори,—легче будетъ. *Кайся Богу, не бойся людей. Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!*..“

И опять Валаамъ со священной силой благословляетъ Израиля. Въ „Воскресеніи“ не смогъ благословить Валака, а во „Власти тьмы“ вмѣсто проклятія изрекъ величайшую хвалу народу, благословенному Богомъ тѣмъ благословеніемъ, о которомъ сказалъ Тютчевъ:

Удрученный ношей крестной
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
 Исходилъ, благословляя...

VIII.

„Въ это время случилась война въ Россіи. И русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ нельзя было. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ вѣры, нельзя было. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ церквахъ молились объ успѣхѣ нашего оружія, и учителя вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но во время тѣхъ смуть, которыя послѣдовали за войной, я видѣлъ чиновъ Церкви, учителей ея, монаховъ, схимниковъ, которые одобряли убійство заблудшихъ, безпомощныхъ юношей. И я обратилъ вниманіе на все то, что дѣлается людьми, исповѣдующими христіанство, и ужаснулся“.

Ужасъ Толстого передъ войной и передъ всякимъ убійствомъ,